

кой, и, наоборот, публика лишена была возможности услышать многих весьма одаренных музыкантовъ.

Благодаря историческимъ концертамъ Москва недавно ознакомилась съ доселѣ совсѣмъ мало извѣстнымъ большою публикѣ, весьма даровитымъ пианистомъ К. А. Киппомъ, преподавателемъ Москов. Консерваторіи, въ одномъ изъ историческихъ концертовъ исполнившимъ D-moll'ный концертъ Моцарта. Это была такая прекрасная фортепианная игра, какую вообще рѣдко приходится слушать, а такого мастерского исполненія этого концерта Моцарта Москва, быть можетъ, не слыхала очень давно.

Каждый историческій концертъ происходитъ при непремѣнномъ „участіи“ (какъ значится въ газетахъ) Ю. Энгеля, который произноситъ передъ исполненіемъ свое вступительное слово. Странное впечатлѣніе производитъ это „участіе“ г-на Энгеля на ряду съ другими участвующими въ концертѣ.

Все, что исполняется здѣсь музыкантами, въ общемъ представляетъ большій или меньшій интересъ для всѣхъ—и для специалистовъ-музыкантовъ и для публики вообще. Незвѣстно, для кого предназначается вступительное слово Энгеля. Если оно необходимо для лицъ вовсе невѣжественныхъ во всемъ, что касается музыки, то вѣдь всѣ тѣ полезныя свѣдѣнія, какія даются здѣсь лекторомъ (краткая біографія композиторовъ, годы рожденія и смерти, перечень главныхъ сочиненій каждаго композитора и др.), могутъ свободно быть напечатаны мелкимъ шрифтомъ на программахъ этихъ концертовъ. И если бы это дѣйствительно было такъ, то не было бы надобности и упоминать объ этихъ вступительныхъ словахъ. Но г. Энгель не ограничивается этими свѣдѣніями, и все то, что говорится сверхъ этого, оказывается уже вовсе ненужнымъ ни для специалистовъ, ни для профановъ. Здѣсь лекторъ уже не учитъ профановъ, а, наоборот, идетъ за ними, говоритъ имъ въ тонъ, повторяетъ то, что обыкновенно говорятъ и пишутъ о музыкѣ не-музыканты, тѣ, которые ищутъ въ музыкѣ совсѣмъ не то, что въ ней есть. Весьма мало могутъ помочь публикѣ разбраться въ исполняемой музыкѣ такія шаблонныя и безсодержательныя фразы, какъ, на примѣръ, утвержденіе, что 2-ая часть H-moll'ной симфоніи Шуберта есть выраженіе созерцательнаго романтическаго чувства,

или такія опредѣленія, что Шуманъ—это сама романтика, или восклицанія по поводу того же Шумана, въ родѣ: „какая глубина и сила лиризма, сколько мы сли!“ (какой?).

Но уже вовсе сбивающими и мѣшающими слушать музыку надо признать такія нелѣпости, какъ, на примѣръ, что Моцартъ является въ музыкѣ выразителемъ буржуазіи, а Шуманъ—это воплощеніе до-мартовской эпохи. Такія выраженія только закрѣпляютъ ходячія теперь среди профановъ столь же модныя, сколько и ложныя воззрѣнія на музыку.

К. Р.

О «СОЮЗѢ».

Когда приходится писать о выставкѣ, важно сказать не только объ отдѣльныхъ ея участникахъ, но и объ общемъ ея характерѣ. Вѣдь всякое соединеніе художниковъ для совмѣстнаго выступленія, если оно не является случайнымъ предпріятіемъ или выдумкой одного лица, возникаетъ въ силу внутренняго взаимнаго влеченія художниковъ одного типа; въ суммѣ это влеченіе даетъ то, что можно назвать физиономіей выставки или ея идеей. Такъ «Голубая Роза» создалась въ силу взаимнаго притяженія художниковъ по существу индивидуалистовъ при чемъ индивидуализмъ явился спайкой между мистичнымъ Павломъ Кузнецовымъ и натуралистомъ (не реалистомъ) Крымовымъ. Возможна, правда, другая форма соединенія, построенная не на инстинктивномъ влеченіи художниковъ извѣстнаго порядка, а на сознательномъ признаніи другъ другомъ отдѣльныхъ группъ, выражающихъ теченія. Это форма большого общенія, можетъ быть, какъ временная стадія неизбѣжно возникаетъ тамъ, гдѣ искусство получило право гражданства, гдѣ на ряду съ болѣе высокими требованіями смягчается нетерпимость. Физиономія здѣсь менѣе оцутима, но болѣе сложна: основаніемъ ея является не та или другая односторонняя подчасъ формула, а систематизація ряда формулъ на основаніи идеи признанія ихъ равенства передъ лицомъ искусства. Говорить это—не значитъ отрицать важности и цѣнности острыхъ группировокъ, но можно думать, что послѣ признанія ихъ права на существованіе, ихъ *raison d'être* исчезаетъ и онѣ должны войти законно въ большое общеніе, какъ

его части, не утрачивая своего характера. Я убѣжденъ, что въ Россіи мы переживаемъ моментъ нарожденія такого общенія, доказательствомъ чего служатъ ненужное изобиліе выставокъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безличныхъ и случайныхъ по составу, гдѣ немногія цѣнныя произведенія искусства затериваются среди необозримаго хлама отжившаго или неспособнаго жить. Чувствуется необходимость созданія центра, куда бы стекалось все цѣнное, разсѣянное на периферіи. И я думаю, что только такой центръ со строгимъ жюри, гдѣ бы всѣ значительныя теченія искусства, взаимно признавши себя, имѣли своихъ представителей, можетъ поднять уваженіе къ выставкѣ и ея значеніе, парализовать и выкинуть съ арены искусства весь грузъ чуждаго ему и лишь прикрывающагося этимъ именемъ и установить строгія нормы оцѣнки. Правда нельзя закрывать глаза на то, что и такой центръ можетъ замкнуться въ себѣ самомъ и развить извѣстную нетерпимость, но не на то же ли самое и не въ большемъ ли размѣрѣ обречены острия группировки и вообще всѣ формы соединенія. Думаю, что, даже выродившись, такой центръ оставить важный слѣдъ, хотя бы на нѣкоторое время, приведя въ ясность ту запутанность художественныхъ явленій, ихъ оцѣнокъ и общеній, которой мы являемся въ данное время свидѣтелями. Тѣмъ болѣе, что коррективомъ будутъ протестующія, но въ этотъ случаѣ болѣе осторожныя и сознательныя группировки. И какъ бы ни упирались маститые упрямцы и какъ бы ни старались эклектичскіе эстеты, испугавшіеся переоцѣнки. при большомъ свѣтѣ большого единенія, плести паутину въ углахъ, потребность въ такомъ центрѣ, гдѣ бы служители искусства, хотя разные по выраженію, но одинаково цѣнныя передъ его лицомъ, протянули бы другъ другу руки—назрѣла и является вопросомъ лишь времени.

Есть одна выставка функционирующая уже не первый годъ, которая съ виду носитъ въ себѣ возможность осуществленія этой задачи, но возможность эта лишь кажущаяся, терпимость, допускающая объединеніе художниковъ разныхъ вѣрованій, лишь фиктивная; лишенная сознательности, она лишена и систематичности. Безсознательная же терпимость—признакъ слабости, а не силы, показатель умирнаго, а не развитія. Здѣсь все случайно: группировка, сочетаніе еще живущаго и начинающаго жить съ отжившимъ; со скры-

тыми симпатіями въ пользу послѣдняго. Потерявши физиономію, которая была у «36» и не усвоивъ той, которая была у «Мира искусства», «Союзъ», какъ бы въ безсиліи, остановился на полпути. Повидимому, не ему въ силу какихъ то внутреннихъ причинъ, придется осуществить назрѣвшую задачу и это тѣмъ болѣе жалко, что это внѣшнее случайное соединеніе, благодаря присутствію крупныхъ силъ, точно призвано поддерживать и указывать высоту технического уровня достигнутаго русскимъ искусствомъ.

Выставка нынѣшняго года имѣетъ особый интересъ преимущественно благодаря элементамъ болѣе или менѣе случайнымъ, которыми, къ сожалѣнію, организаторы отвели въ большинствѣ случаевъ невыгодныя мѣста. Изъ молодыхъ, выступающихъ въ «Союзѣ», одно изъ первыхъ мѣстъ по свѣжести интереса надо отнести Сапунову. У него чудесный колористическій темпераментъ, почти вулканичность, но осознанная; въ цвѣтѣ—тембръ хорошаго голоса; въ своихъ театральныхъ исканіяхъ не чуждый эпикуреизма, онъ умѣло соединяетъ съ нимъ въ силу какого-то «внутренняго», ему лишь присущаго, свойства драматичность душевныхъ переживаній, переходящую въ „Ведекинды“ почти въ кошмарность. Его розы, цвѣты—почти разказы и со страстью, звучнымъ цвѣткомъ. Мастеръ пятна, онъ, исходя лишь изъ него, строитъ свою композицію внѣшне случайную, внутренне логичную. Безсознательно возвышается до символизма: театр для него лишь форма сказать о слезахъ и смѣхѣ жизни, цвѣты—о ея радостяхъ.

Кузнецовъ болѣе твердъ и мужественъ, чѣмъ всегда; прекрасенъ обычно своимъ миротворчествомъ, открываемымъ намъ то въ голубовато-зеленой «ночи чахоточныхъ», то въ золотистыхъ струяхъ «сбора винограда». Рожденное его мыслью убѣдительно рожденіемъ природы.

Судейкинъ эклектичный, иногда слащавый, миль своей граціозностью въ хорошо завязанномъ и расцвѣченномъ «Праздникѣ».

Крымовъ необычно трезвый, внѣшне какъ бы охлажденный строительствомъ въ пейзажѣ, охваченъ въ «Горномъ ручьѣ» волненіемъ романтизма. Онъ медленно но вѣрно, ради своихъ синтетическихъ затѣй подчиняя разуму непосредственное впечатлѣніе отъ природы, уходитъ отъ пейзажа размѣнявшагося—„этюднаго“. Здѣсь типичныя черты индивидуализма: природа цѣль лишь постольку, поскольку она является средствомъ для воплощенія инди-

видуальныхъ переживаній. Отъ ряда непосредственныхъ впечатлѣній идти къ синтезу ихъ, въ основѣ котораго личное душевное переживаніе—не въ этомъ ли задача и обаяніе старыхъ мастеровъ пейзажа, хотя бы Рюисдаля? И не ошибаются ли глубоко *servi servorum* реализма, думая, что подчиняя себя слѣпо природѣ, они ею овладѣютъ. Не даетъ ли старое искусство доказательство того, что лишь изъ соединенія натурализма, какъ свободного пользованія природой, съ декоративностью—родилось оно? Да и есть ли искусство тамъ, гдѣ нѣтъ композиціи и декоративности?

Безконечно важенъ женскій портретъ Стррова. Стальной логикѣ подчиняется матеріалъ. Въ основѣ трудъ, ставшій, благодаря себѣ самому, легкимъ. Все виртуозно, начиная отъ схематичной цвѣтовой гаммы до малѣйшихъ деталей: блеска флаконовъ, отраженія въ зеркалѣ, томной окружности глазъ. Здѣсь искусство высокой техничности. Слабѣ «Петръ», привлекательный пейзажемъ и деталями, въ центральной фигурѣ невѣрный ритмомъ, точно займствованнымъ у моментальной фотографіи.

Малютинъ далъ одинъ изъ лучшихъ номеровъ выставки—полный значительности жанръ, фиксирующій грубую жизнь, по точкѣ отпавленія напоминающій старыхъ голландцевъ. Вѣрное по проникновенности изображаемое «жизненное» — точно, свободнымъ широкимъ рисункомъ композиціи вправлено въ плоскость. Тяжелая, но строго-логичная кладка мазковъ, почти однотоннаго цвѣта гармонируетъ съ простотой и несложностью изображаемаго. Здѣсь искусство выше техничности, ставъ моментомъ рожденной вторично жизни.

Обычно цѣненъ цвѣтомъ Н. Миліоти, болѣе сильный въ натуралистическомъ портретѣ—этиодѣ, написанномъ со вкусомъ и легкостью европейскаго мастера, чѣмъ въ красивыхъ, но разсудочныхъ фантазіяхъ.

Тарховъ, пережившій и впитавшій внѣшнюю техническую схему, уже свободно волнуетъ жизнью. Сильный темпераментъ его жизненнаго дара логично дробится въ вихрѣ разноцвѣтныхъ, но внутренне согласныхъ мазковъ.

Этимъ и ограничусь. Не стану останавливаться на многихъ достойныхъ произведеніяхъ «Союза», думая, что перечисленное наиболѣе захватываетъ. Тѣмъ болѣе не стоитъ говорить о томъ отжившемъ, что изъ года въ годъ все еще появляется на выставкѣ по привычкѣ, по праву, дан-

ному человѣку, но отнятому давно у художника, обманывая недовѣрчивую, но упорную въ разѣ завоеванномъ довѣрїи публику, равно какъ и о томъ, что создано не чистымъ безкорыстнымъ творческимъ чувствомъ, а расчетливо—бездушно, какъ изъ рукъ вонъ плохой «Сезаннъ» Союза нынѣшняго года.

В. М—и.

ВѢСТИ ОТОВОСЮДУ.

Выступленіе Арсенія Николаевича Корещенко въ послѣднемъ симфоническомъ собраніи филармоническаго общества, гдѣ онъ съ большимъ успѣхомъ исполнилъ концертъ Чайковскаго, было юбилейнымъ: 25 лѣтъ тому назадъ этотъ значительный музыкальный дѣятель впервые взошелъ на эстраду; ему было тогда 11 лѣтъ; онъ сыгралъ на благотворительномъ вечерѣ (въ пользу студентовъ) концертъ Герца съ оркестромъ подъ управленіемъ Альтани.

Но не будучи „Wunderkind’омъ по ремеслу“ и проходя строгую школу подъ руководствомъ такого педагога, какъ С. И. Тагѣевъ, талантливый мальчишкѣ выступалъ внѣ консерваторскихъ стѣнъ конечно лишь изрѣдка.

А. Н. Корещенко за время существованія консерваторїи былъ первымъ, которому выдали большую золотую медаль за равно отличное окончаніе курса по двумъ специальностямъ фортепіано и композиціи.

Но удѣлить и дальше въ жизни равное вниманіе обѣимъ специальностямъ, разумѣется, оказалось невозможнымъ тѣмъ болѣе, что Корещенко не является композиторомъ-пѣанистомъ, котораго влечетъ писать преимущественно для своего инструмента; будучи выдающимся исполнителемъ, Корещенко, какъ композиторъ гораздо сильнѣе въ оперѣ и романсѣ, нежели въ фортепіанныхъ пьесахъ и симфоническихъ произведеніяхъ; кромѣ того педагогическая и критическая дѣятельность, а одно время музыкально-этнографическіе труды по обработкѣ народной армянской и грузинской музыки, все это, повидимому, не могло не отнимать времени, необходимаго для поддержанія и развитія виртуозной техники и пополненія репертуара. Тѣмъ не менѣе Корещенко не только не прекращаетъ выступать на эстрадѣ, но и съ годами совершенствовался, какъ виртуозъ, въ чемъ можно было лишній разъ убѣдиться, слушая недавно въ его превосходномъ исполненіи концертъ Чайковскаго.